

ИЛЯ ДЕРЕВЯНКО

ТОМ 2

НАУЧНЫЕ И
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Илья Деревянко
Научные и научно-популярные произведения. Том 2. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг.

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164212

Научные и научно-популярные произведения. Том 2. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг.: Эксмо, Яуза; 2018

Аннотация

Что мы знаем о Русско-японской войне 1904-1905 гг.? Россия стояла на пороге катастрофы, изменившей ход истории: до Первой мировой оставалось 10 лет и всего лишь 13 – до Октября 1917-го. Что могло произойти, если бы мы выиграли эту войну? И почему мы ее проиграли? Советские историки во всем винили главнокомандующего А.Н. Куропаткина, но так ли это на самом деле? Чей злой умысел стоит за трагедией Моонзунда? Автор отлично знает, о чем пишет. Он первым начал исследовать историю и организацию военных спецслужб Российской империи, опубликовав в конце 80-х – начале 90-х годов XX столетия целый ряд работ по этой теме. Одна из его книг, «Русская разведка и контрразведка в войне 1904-1905 гг. Документы», выпущенная

в 1993 году издательством «Прогресс», уже спустя полгода была переведена на японский язык и издана в г. Иокогаме.

Содержание

Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. Документы	5
Предисловие	5
Раздел I. Работа служб разведки и контрразведки в 1904–1905 гг.	27
Секретно. Отчет № 1. О деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии (с начала войны по 26 октября 1904 г.) и штаба Главнокомандующего (с 26 октября 1904 г. по 25 февраля 1905 г.)[5].	28
I. Организация разведки	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Илья Деревянко
Научные и научно-
популярные произведения.
Том 2. Русская разведка
и контрразведка в
войне 1904–1905 гг.

Русская разведка и контрразведка
в войне 1904–1905 гг. Документы

Предисловие

Работа секретных служб Российской империи до сих пор остается «белым пятном» отечественной истории. Между тем во все времена агентурная разведка и тесно связанная с ней контрразведка играли огромную роль при подготовке и ведении войны. Государственные деятели и военачальники стремились получать наиболее полную информацию о потенциальном и реальном противнике, принимая одновре-

менно меры к исключению утечки подобной информации о себе.

В XVIII и начале XIX в. в России сбором агентурных сведений в мирное время занимались дипломаты, а в военное – офицеры квартирмейстерской части военного ведомства (впоследствии они стали называться офицерами Генерального штаба). Кроме того, командование пользовалось услугами так называемых «конфидентов» – лиц, вербуемых среди иностранных граждан и служивших исключительно за деньги. В это время еще не существовали специальные разведывательные органы. Руководство военным шпионажем находилось в руках высшего армейского командования.

Постепенно офицеры Генерального штаба начинают использоваться для разведки и в мирное время. Дело в том, что по мере развития военного дела доставляемые дипломатами сведения все меньше устраивали командование, поскольку не имели систематического характера и, как правило, являлись результатом деятельности людей, малосведущих в армии. «Конфиденты» же во все времена считались агентами второго сорта. Командование им мало доверяло, и они использовались лишь как платные источники информации, нуждавшиеся в постоянном контроле.

В 1810 г., когда уже не оставалось сомнений в том, что Наполеон не остановится перед вторжением в Россию, русский военный министр Барклай де Толли командировал в помощь дипломатам офицеров, которые были временно зачислены

на различные дипломатические должности. «Добывайте сведения во что бы то ни стало и какой угодно ценой», – наставлял их Барклай де Толли. Особенно отличился в этом полковник граф А. И. Чернышев[1], часто бывавший в Париже, где он развил активную разведывательную деятельность. В числе его осведомителей оказался даже чиновник французского военного министерства. Незадолго до начала войны А. И. Чернышев доставил своему руководству полный план нападения Наполеона на Россию.

После разгрома Наполеона в Европе наступило политическое затишье. Поле деятельности тайной войны переместилось на азиатские границы империи. После турецкой кампании 1828–1829 гг. много внимания уделялось разведке на Кавказе. Одним из агентов кавказского наместника графа И. Ф. Паскевича[2] был поручик артиллерии Г. В. Новицкий, человек большой личной храбрости. Переодетый горцем, он в течение месяца путешествовал по Кавказу и, благополучно избежав гибели, доставил своему начальству много ценных сведений. В целях разведки в районах Средней Азии русское военное ведомство отправило туда ряд офицеров, составлявших данные по Афганистану, Хиве, Бухаре, Хорасану и т. д.

Выдающейся по своей смелости и полученным результатам была командировка прапорщика Виткевича, поехавшего в 1837 г. под видом хивинского купца в Афганистан. Ему было поручено выяснить, как будут реагировать правитель-

ства Афганистана и Персии на поход русских войск в Хиву. Пережив множество опасных приключений, Виткевич блестяще выполнил задание.

В середине XIX в. вновь осложняется политическая обстановка в Европе. В связи с этим русское военное ведомство вынуждено было активизировать разведку на западном направлении. Граф Чернышев, ставший за эти годы военным министром, вспоминает свой опыт разведчика, и к дипломатическим миссиям, как и в 1810 г., прикрепляются офицеры Генерального штаба.

Этот способ разведки оказался весьма эффективным, и им активно пользовались почти все европейские государства. (Формально офицеры считались, конечно, не шпионами, а официальными представителями армии за рубежом.)

В 1864 г. офицеры, прикомандированные к дипломатическим миссиям, получили официальный статус военных уполномоченных. Со временем их стали называть военными агентами (или атташе). Они числились теперь в составе дипломатического корпуса и пользовались всеми его правами: экстерриториальностью, дипломатической неприкосновенностью и т. д. Военный агент внимательно изучал армию той страны, в которой находился, наблюдая за маневрами, учениями и парадами, за отдельными ее представителями в обществе и при случайных встречах. Он изучал военную литературу и прессу и по возможности пользовался услугами тайных агентов-осведомителей («конфидентов»). Одна-

ко, согласно установившемуся международному правилу атташе, уличенного в связях с тайной агентурой, немедленно выдворяли за пределы страны. Работа военного агента требовала от него живого ума, такта и наблюдательности, широкого образования, отличного знания военного дела и иностранных языков. В качестве примера можно назвать полковника П. П. Альбединского, русского военного уполномоченного во Франции в конце 50-х гг. XIX в. Будучи умным и образованным человеком, пользуясь большим успехом в светском обществе Парижа, он сблизился с высшими военными чинами, у которых искусно выпытывал сведения об организации войск и усовершенствовании огнестрельного оружия.

В марте 1857 г. он сумел завербовать одного из ординарцев французского императора и с того момента получил доступ к сокровенным тайнам французской армии.

Успешно использовались также так называемые «негласные военные агенты». Их направляли в те пункты, куда нельзя было назначить официальных военных атташе. При этом прибегали к помощи Министерства иностранных дел, которое назначало фиктивно выходящих в отставку офицеров на должности консулов и вице-консулов. Разведку проводили также штабы военных округов[3], но их возможности ограничивались, как правило, близлежащими пограничными государствами[4].

В течение XIX столетия общее руководство разведыва-

тельной службой постепенно переходило из рук армейского командования в генерал-квартирмейстерскую часть Военного министерства. Ко второй половине XIX в. окончательно сложилась структура русской агентурной разведки. Ее схематичное изображение чем-то напоминает осьминога. Во главе – мозговой центр в лице генерал-квартирмейстера. От него расходятся щупальца к штабам военных округов и к военным агентам за рубежом, от которых, в свою очередь, тянутся нити тайной агентуры.

Кроме работы военных агентов, по-прежнему широко использовались официальные и секретные командировки офицеров за границу. При официальных командировках офицеры посылались на маневры иностранных армий, в различные международные комиссии в составе делегаций, для изучения иностранных языков и т. п. Им рекомендовалось вести работу легальными способами и во избежание международных скандалов не пользоваться услугами тайных агентов. Поэтому всегда оставались области, куда возможно было заглянуть лишь тайным образом и под ложными предлогами только командируемым с секретными поручениями офицерам и тайным агентам.

Накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Болгарию были командированы полковники Артамонов и Бобриков, перед которыми была поставлена задача изучить переправы через Дунай и пути движения войск на Тырново – Габрово – Адрианополь.

Работа офицеров, отправлявшихся в секретные командировки, была сопряжена с огромным риском. В отличие от военных агентов, они не пользовались правом дипломатической неприкосновенности и в случае разоблачения их ожидало суровое наказание.

В целом следует отметить, что в XIX в. разведка в России была организована не хуже, чем в развитых в военном отношении европейских государствах. В ее работе были и успехи, и неудачи. Так, накануне войны с Наполеоном русское командование было прекрасно подготовлено в области разведки, что в немалой степени способствовало победе. Неплохо работала агентура в азиатских государствах (за исключением Дальнего Востока). А вот донесения военных агентов из Турции и балканских стран накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в значительной степени дезориентировали командование относительно численности, организации и боеспособности турецкой армии. К началу войны в тылу противника не была заблаговременно организована сеть тайной агентуры, и исправлять положение пришлось уже в ходе военных действий. В конечном счете благодаря энергии и предприимчивости полковника Паренсова, который был назначен руководителем тайной разведки в Турции и на Балканах, удалось создать надежную сеть агентуры и наладить непрерывный поток необходимой командованию информации.

Во время Русско-турецкой войны, как и в предшествующих войнах, кроме неподвижной агентуры, постоянно про-

живающей на территории противника, использовались агенты-ходоки, засылаемые в тыл противника на короткий срок для выполнения определенного задания. Наиболее яркой такой фигурой был К. Н. Фаврикодоров, в прошлом участник обороны Севастополя и георгиевский кавалер. Рискуя жизнью, он совершил целый ряд блестящих рейдов по турецким тылам и доставил командованию большое количество ценных сведений.

Разведчики типа Фаврикодорова, действовавшие из патриотических побуждений, выгодно отличались от «конфидентов», о которых уже говорилось выше. «Конфиденты», считавшиеся агентами второго сорта, работали исключительно из корыстных побуждений. К числу таких агентов можно отнести майора Карина, чиновника Военного министерства Австро-Венгерской империи, завербованного русской разведкой в начале XX в. Роковую роль в его судьбе сыграла красавица жена. Чтобы иметь возможность оплачивать ее шикарные туалеты, любящий муж стал изменником и продавал русской разведке различные секретные сведения, известные ему в силу служебного положения. В основном «конфиденты» не попадали под категорию предателей, так как действовали в государствах, не являвшихся их родиной. Среди них было немало авантюристов и искателей приключений, причем иногда довольно ярких личностей. Так, в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. одним из лучших тайных агентов России в Японии был французский жур-

налист Бале. Он отлично владел японским языком, в совершенстве знал культуру и быт японцев и доставлял русскому командованию весьма ценную информацию.

Иногда услуги русской разведке оказывали представители разведывательных служб союзных государств. Так, в начале XX в. в тесном контакте с нашей разведкой работал французский военный атташе в Японии барон Корвизар. В июне 1903 г. по ходатайству русского военного агента в этой стране, полковника В. К. Самойлова, он был представлен к награждению орденом Св. Станислава 2-й степени.

С началом XX в. наступает эпоха бурного развития военной техники и тотальных войн. В связи с этим значительно возросло значение агентурной разведки, увеличилось число ее объектов и расширились способы ведения. Появилась насущная необходимость в более совершенной организации сбора и обработки разведанных. Между тем в первые годы двадцатого столетия агентурная разведка Российской империи уже во многом не удовлетворяла требованиям времени. Ею по-прежнему занимались военные атташе, дипломаты (а также представители Министерства финансов за рубежом) и штабы военных округов. Однако разведка велась бессистемно и при отсутствии общей программы. В военных округах наблюдался определенный сепаратизм, и они зачастую не считали необходимым делиться с Главным штабом[5] добываемой информацией. Кроме того, в мирное время штабы военных округов не имели специальных раз-

ведывательных отделений. На работе разведки отрицательно сказывался недостаток ассигнований[6]. (Как известно, с 90-х гг. XIX в. по инициативе С. Ю.Витте[7] началось резкое сокращение всех военных расходов.) Необычайно остро стояла кадровая проблема. Офицеры, занимавшиеся агентурной разведкой, не получали никакой специальной подготовки. Курс тайной разведки был введен в Академии Генерального штаба только после Русско-японской войны 1904–1905 гг.

В наиболее плачевном состоянии оказалась организация сбора разведанных в Японии. Несомненно, что здесь сыграла свою роль недооценка ее как сильного и опасного противника. Японской армии не придавали серьезного значения. Поэтому военное ведомство не считало необходимым расходовать большие средства на разведку в этом направлении. Вплоть до начала войны здесь полностью отсутствовала сеть тайной агентуры. Русские военные агенты не знали японского языка. (В Академии Генерального штаба его стали преподавать только после войны 1904–1905 гг.) У них не было своих надежных переводчиков, а переводчики, предоставляемые в распоряжение военного агента местными властями, все сплошь были информаторами японской контрразведки[8]. Кроме того, разведка затруднялась спецификой этой страны. Если в европейских государствах военный агент, помимо негласных источников, мог почерпнуть большое количество информации из прессы и военной литерату-

ры, а в Китае продажные сановники императрицы Цы Си[9] чуть ли не сами предлагали свои услуги, то в Японии все было иначе. Официальные издания, доступные иностранцам, содержали лишь тонко подобранную дезинформацию, а императорские чиновники, спаянные железной дисциплиной и проникнутые фанатичной преданностью «божественному микадо», не проявляли никакого желания сотрудничать с иностранными разведками.

Японцы с древних времен с глубоким почтением относились к искусству шпионажа и бдительно следили за всеми иностранными атташе, что еще более затрудняло их работу. В 1898 г. военным агентом в Японии был назначен полковник Б. П. Ванновский. Его отец был военным министром. Сам он в 1887 г. закончил Пажеский корпус[10], затем служил в конной артиллерии. В 1891 г. закончил с отличием Академию Генерального штаба. В Японию его назначили вместо генерал-майора Янжула, попросившего шестимесячный отпуск по семейным обстоятельствам. Получилось так, что временное назначение перешло в постоянное, и Ванновский оставался военным агентом вплоть до 1903 г. Отправляя Ванновского в Японию, А. Н. Куропаткин[11], только что сменивший его отца на посту военного министра, поставил на представлении начальника Главного штаба резолюцию, в которой писал, что верит в добросовестность Б. П. Ванновского и считает его кандидатуру вполне подходящей для должности военного агента.

Прибыв в Японию, Ванновский вскоре убедился, что его предшественник не даром так стремился в Россию. Несмотря на высокое жалованье, престижную должность и прочие блага, положение военного агента в Японии было незавидным. Он был подобен слепому, которого заставляют описать окружающее. Из-за отсутствия сети тайной агентуры и незнания японского языка военный агент в Японии видел лишь то, что ему хотели показать, и слышал лишь то, что нашептывали местные спецслужбы, изрядно преуспевшие в области дезинформации. Ко всему прочему, Ванновский, несмотря на энергию и добросовестность, о которых упоминал Куропаткин в своей резолюции, как и большинство строевых офицеров, был абсолютно некомпетентен в вопросах «тайной войны». Все это не могло не отразиться на результатах его работы.

С некоторых пор генерал-квартирмейстер Главного штаба стал замечать, что из Японии поступает очень мало разведывательных донесений и содержащаяся в них информация не представляет стратегического интереса. Дипломатические отношения России с Японией уже балансировали на грани войны, и, хотя, по мнению большинства сановников, это государство не внушало особых опасений, подобное положение дел вызывало у генерал-квартирмейстера некоторое беспокойство. Ванновскому предложили исправиться, но у него ничего не получилось. Тогда генерал-квартирмейстер, вместо того чтобы разобраться в основных причинах, пред-

ложил заменить военного агента. Сведения стали поступать активнее, но, как выяснилось впоследствии, они мало соответствовали действительности. Чтобы Россия не успела к началу войны стянуть на Дальний Восток необходимое количество войск и боеприпасов, японцы старательно занижали данные о численности своих войск. Преемник Ванновского, подполковник В. К. Самойлов, обладавший незаурядным даром разведчика, но в силу объективных причин, о которых мы уже говорили раньше, так и не сумевший добиться существенных результатов, рапортом от 24 мая 1903 г. сообщил в Главный штаб: «Все, что касается численного состава армии в Японии, составляет большой секрет, и достать какие-либо сведения можно только случайно. Сведения же, сообщенные мне иностранными военными агентами, хотя и разнящиеся от наших, не могут считаться достоверными»¹.

В результате к началу войны с Японией Россия оказалась совершенно неподготовленной по части разведанных, что роковым образом отразилось затем на ее итогах.

Введенные в заблуждение японской дезинформацией руководители русского военного ведомства вплоть до самой войны не предпринимали никаких действенных мер для увеличения численности и мощи дальневосточной армии.

В начале военных действий сведения о противнике, получаемые от военных агентов (в Корее и Китае), доставлялись в разведотделение штаба армии через разведотделение

¹ ЦГВИА СССР. Ф. 400. Оп.4. Д. 327. Л. 384.

штаба наместника[12], что вызывало определенную неразбериху. Контакты разведотделений затруднялись той враждебностью, которая была характерна для взаимоотношений командующего Маньчжурской армией А. Н. Куропаткина и наместника адмирала Е. А. Алексеева, который формально считался главнокомандующим. После назначения в октябре 1904 г. А. Н. Куропаткина главнокомандующим донесения военных агентов стали поступать в его штаб. Усиливалось неразбериху и то, что чиновники МИДа, Министерства финансов и военные агенты из европейских стран по-прежнему направляли донесения своему непосредственному начальству в Петербург, в результате чего командование действующей армией постоянно запрашивало Военное министерство о разведданных.

В первое время организацией тайной разведки в штабе Маньчжурской армии ведал полковник Генерального штаба А. Д. Нечволодов, который накануне войны был назначен военным агентом в Корею, но не успел доехать к новому месту службы. В конце апреля 1904 г. он командировал в Японию и Корею трех тайных агентов из числа иностранцев – Шаффанжона, Барбье, Мейера, – которые посылали в штаб информацию кружным путем через Европу.

Вскоре после этого общая организация дальней разведки была поручена генерал-майору Генерального штаба В. А. Косаговскому, в распоряжение которого были назначены офицеры Генерального штаба (в том числе полковник А. Д. Неч-

володов) и переводчик с европейских языков Барбье. С самого начала работы у В. А. Косаговского возникли серьезные осложнения с генерал-квартирмейстером Маньчжурской армии генерал-майором В. И. Харкевичем. В июне 1904 г. В. А. Косаговский писал в своем дневнике: «Владимир Иванович Харкевич боялся, как бы я не стал ему поперек дороги, и употребил все от него зависящее, чтобы затормозить мне это дело. И, увы, он благополучным образом достиг этой гнуснейшей цели на пагубу русскому делу. Харкевич не только не дал мне ни одного способного офицера Генштаба, но еще и подставлял всюду ножку, подрывая мой престиж и восстанавливая против меня Куропаткина, Сахарова[13] и вообще весь штаб. А меня он довел до такого нервного возбуждения, что я готов был задушить Харкевича»².

Косаговский действовал независимо от разведотделения армии и передавал добываемую информацию непосредственно Куропаткину. Кроме него, вербовку тайной агентуры осуществляли разведотделение и военные агенты за рубежом.

Со временем число тайных агентов в дальневосточных странах значительно увеличивается. В документах военного ведомства они известны под именами Бале, Эшар, Колинз, Дори, Гидис и т. д.

Тайные агенты прикреплялись к определенным военным атташе или дипломатам, через которых передавали инфор-

² ЦГВИА СССР. Ф. 76. Оп.1. Д. 217. Л. 239.

мацию и получали вознаграждение. Так, например, тайный агент в Иокогаме Бале был связан с военным атташе в Тяньцзине полковником Ф. Е. Огородниковым, Дори – с атташе в Париже полковником Лазаревым и т. д.

Однако сведения, добываемые тайными агентами, освещали в основном организацию тыла японской армии. Их донесения поступали в штаб главнокомандующего кружным путем (через Китай или Европу) и почти всегда опаздывали. В начале 1905 г. после неудачного для России сражения под Мукденом[14] японцам удалось захватить часть штабных обзоров с делами разведотделения. Русские агенты в Японии оказались на грани провала, и многих пришлось отозвать. В их числе оказался уже известный нам журналист Бале.

В начале Русско-японской войны руководство разведкой непосредственно на театре военных действий осуществляло разведотделение управления генерал-квартирмейстера штаба Маньчжурской армии. Работало оно неэффективно. Сводки данных о противнике составлялись нерегулярно и предназначались только для высшего командования. Штабы дивизий, корпусов и отрядов до 26 октября 1904 г. не получали из штаба армии разведанных и были вынуждены довольствоваться сведениями своей войсковой разведки[15] (т. е. безотносительно к общей стратегической обстановке).

В октябре 1904 г., после разделения маньчжурских войск на три армии, при каждой из них создается свое разведот-

деление. Формально их деятельность объединялась разведотделением штаба главнокомандующего, но на практике они действовали без связи друг с другом, если не считать обмена сводками. По свидетельству сотрудника русской разведки полковника Генерального штаба П. И. Измestьева, сводки отличались низким качеством, и бывали случаи, когда в них «документально устанавливалось то, что на другой день документально опровергалось». Между разведотделениями существовала конкуренция, и они постоянно стремились «щегольнуть друг перед другом богатством добываемых сведений». Кроме того, собственные разведотделения были в штабе Приамурского военного округа и штабе тыла войск Дальнего Востока. Разведка осуществлялась также штабами войсковых частей. Все они действовали практически независимо друг от друга. В результате налицо была полная дезорганизация в руководстве разведкой.

В мирное время Генеральный штаб не разработал никакой системы организации тайной агентуры в специфических условиях дальневосточного театра военных действий. У русского командования не оказалось ни квалифицированных кадров лазутчиков, ни разведшкол для подготовки агентуры из числа местных жителей. Между тем японцы еще задолго до начала войны создали в Маньчжурии сеть резидентуры и подготовили кадры разведчиков. В Инкоу и Цзиньчжоу существовали созданные японцами специальные школы для подготовки тайной агентуры из китайцев. Русское

командование только в мае 1905 г. создает подобную школу. Возглавил ее редактор издававшейся на средства русской оккупационной администрации газеты «Шенцзинбао»[16], который был в области разведки абсолютно некомпетентен. Вполне понятно, что школа не оправдала надежд командования и в конце июля 1905 г. ее закрыли.

Таким образом, во время Русско-японской войны у русского командования не было какой-либо системы подготовки тайной агентуры. Агенты вербовались, как правило, из среды простого крестьянского населения и по причине низкого культурного уровня мало подходили для несения разведывательной службы. Пагубно сказывался недостаток ассигнований. Именно из-за этого русская разведка была вынуждена отказаться от вербовки агентов из наиболее грамотной части населения – крупной китайской буржуазии и высокопоставленных чиновников, которые зачастую сами предлагали свои услуги.

В конечном счете наспех подобранная и неподготовленная агентура не принесла существенной отдачи.

Один из современников писал по этому поводу, что русские, зная, что серьезные люди без тайной разведки войны не ведут, завели ее у себя больше для очистки совести, чем для надобности дела. Вследствие этого она играла роль «приличной обстановки», какую играет роскошный рояль, поставленный на квартире человека, не имеющего понятия о клавишах.

Положение русского командования было поистине трагическим. Не имея современных и надежных агентурных данных о противнике, оно уподоблялось боксеру, выходящему на ринг с завязанными глазами[17]. Несомненно, что неудовлетворительная работа разведки явилась одной из основных причин поражения России в этой войне.

Теперь рассмотрим в общих чертах работу контрразведки.

По законам Российской империи лица, уличенные в шпионаже в военное время, все без исключения подлежали смертной казни. В мирное же время к смерти приговаривали только чинов военного ведомства, уличенных в продаже иностранным разведкам особо важных государственных секретов, разглашение которых влекло за собой тяжелые последствия для России. Во всех прочих случаях шпионы из числа гражданских лиц приговаривались к тюремному заключению на срок от 2 до 15 лет, а для шпионов из числа военнослужащих было предусмотрено наказание от полутора лет исправительных работ в арестантских ротах до пожизненной каторги. Уличенные в шпионаже представители дипломатического корпуса и военные агенты немедленно выдворялись за пределы страны. По сравнению с западноевропейским российское законодательство в отношении шпионов отличалось определенной гуманностью, так как предусматривало различную степень ответственности для военных и гражданских лиц.

Вплоть до начала двадцатого столетия в Российской империи отсутствовала четкая организация контрразведывательной службы. Иностранцами шпионами занимались одновременно Генеральный штаб, полиция, жандармы и пограничная охрана. Специального органа военной контрразведки в это время не существовало. В военном ведомстве контрразведкой занимались те же офицеры Генерального штаба, в ведении которых находилась разведка. Однако государство не выделяло им на организацию борьбы со шпионами никаких специальных ассигнований, а снабжение Департамента полиции финансами имело формальный характер³.

По мере развития в России революционного движения полиция и жандармы переключились в основном на борьбу с ним и все меньше внимания уделяли иностранным разведкам.

Однако к началу XX в. в связи с общим развитием агентурной разведки возникла насущная необходимость более прочной и надежной организации контрразведки. Это было тем более необходимо, что Германия и Япония, занявшие к этому времени лидирующее место в области организации агентурной разведки, раскинули по территории России огромные шпионские сети.

К началу Русско-японской войны японцы наводнили своими агентами все более или менее важные пункты намеченного ими театра военных действий. В Маньчжурии и Уссу-

³ ЦГВИА СССР. Ф. 487. Оп.1. Д. 2. Л. 1 и об.

рийском крае японские шпионы проживали под видом торговцев, парикмахеров, прачек, содержателей гостиниц, публичных домов и т. д. Из-за отсутствия должной организации русская контрразведка в 1904–1905 гг. оказалась не в состоянии успешно противостоять вражеской агентуре. В районе действующей армии контрразведывательная служба была в значительной степени децентрализована. Общий жандармско-полицейский надзор был возложен на полковника Шершова, офицера отдельного корпуса жандармов, прикомандированного к Управлению этапами штаба главнокомандующего. Борьба с агентами из числа китайского населения была поручена известному китайскому коммерсанту Тифонтаю, который активно сотрудничал с русским командованием. Поимкой неприятельских лазутчиков занимались также агенты начальника транспортов действующей армии генерал-майора Генерального штаба Н. А. Ухач-Огоровича, разведотделение штаба Маньчжурской армии (до сентября 1904 г.) и штабы частей.

Для контрразведки в период Русско-японской войны были характерны в принципе те же недостатки, что и для разведки, только положение здесь было еще хуже. Подробное описание работы контрразведывательных органов читатель найдет в отчетах разведотделений, публикуемых в данной книге.

В целом в период Русско-японской войны организация борьбы со шпионажем оказалась малоэффективной. Реша-

ющую роль сыграли отсутствие специального органа контрразведки, недостаток кадров, денежных средств и организационная путаница.

На протяжении всей войны контрразведка велась вяло и бессистемно, что обусловило на редкость высокую эффективность деятельности японской разведки и способствовало широкой осведомленности японского командования о силах и намерениях русских войск.

Среди причин поражения России в войне можно назвать и неудовлетворительную организацию контрразведки [18].

Ниже мы предлагаем наиболее яркие и содержательные документы, которые рисуют подробную картину деятельности русской разведки и контрразведки в 1904–1905 гг. Все документы публикуются впервые.

И. В. Деревянко, кандидат исторических наук

Раздел I. Работа служб разведки и контрразведки в 1904–1905 гг.

В настоящем разделе мы предлагаем вниманию читателей комплекс документов, созданных верховными органами руководства разведки на театре военных действий.

В первую очередь это Отчет разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии с начала войны по 26 октября 1904 г.⁴ и Отчет разведывательного отделения штаба главнокомандующего, охватывающие период с 26 октября 1904 г. по 25 февраля 1905 г. Эти документы рисуют подробную картину работы русских секретных служб на Дальнем Востоке в 1904–1905 гг. Кроме того, в раздел включен ряд других документов, которые дополняют и уточняют информацию, содержащуюся в отчетах, а также рассказывают в общих чертах о работе японской разведки в тылу русской армии.

И. В. Дервянно

⁴ 26 октября Маньчжурская армия была разделена на три армии.

Секретно. Отчет № 1. О деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии (с начала войны по 26 октября 1904 г.) и штаба Главнокомандующего (с 26 октября 1904 г. по 25 февраля 1905 г.)⁵.

I. Организация разведки

A. Организация дальней разведки

Организация дальней разведки в начале войны была сосредоточена в штабе Наместника ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнем Востоке, которому непосредственно подчинялись наши военные агенты в Китае. Поэтому сведения о противнике, сообщаемые военными агентами, доставлялись в штаб армии через штаб Наместника.

По расформировании же штаба Наместника и подчинении военных агентов в Китае новому Главнокомандующему генерал-адъютанту Куропаткину, сведения их получались в штабе Главнокомандующего.

⁵ ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д. 29090. Т. I. Л. 1–15 об.

В непосредственном распоряжении штаба Маньчжурской армии с начала войны состоял для ведения дальней разведки наш военный агент в Корее Генерального штаба полковник Нечволодов, который был назначен на эту должность накануне открытия военных действий, но не успел доехать к новому месту служения.

Последний в конце апреля 1904 г. командировал в Японию и Корею трех тайных агентов, иностранных подданных: Шаффанжона, Барбея⁶ и Мейера (Франка), которые условным языком сообщали свои сведения кружным путем через Европу.

Кроме названных лиц, сведения о противнике из Японии, Кореи и Китая доставляли: бывший посланник при корейском императоре Д. С. С.⁷ Павлов, представитель Министерства финансов в Пекине, член Правления Русско-китайского банка статский советник Давыдов и наши консулы: в Тяньцзине – коллежский советник Лаптев и в Чифу – надворный советник Тидеман.

Специально для разведки в Корее в середине апреля 1904 г. Д. С. С. Павловым было предложено состоявшему при нашей миссии в Сеуле русскому подданному, корейцу М. И. Киму «установить непрерывные секретные сношения с местными корейскими властями и с тайными корейски-

⁶ Так в тексте документа. В этом и во всех последующих документах, кроме явных опечаток, сохраняются орфография и пунктуация оригинала. – И. Д.

⁷ Действительный статский советник. – И. Д.

ми агентами, которые, согласно заранее сделанному в Сеуле условию, имеют быть посылаемы к Маньчжурской границе как от корейского императора, так и от некоторых расположенных к нам влиятельных корейских сановников»[1].

Для этой цели имелось в виду командировать Кима к р. Ялу для связи с нашими войсками, действовавшими тогда в этом районе.

Но так как после Тюренченского боя[2] мы отошли от р. Ялу, то Ким был командирован в Приамурский военный округ для организации разведки в Северной Корее. Сведения из Кореи получались, кроме того, через посредство бывшего нашего военного агента в этой стране Генерального штаба подполковника Потапова, имевшего знакомых среди иностранцев в Сеуле.

В конце июня 1904 г. организация «дальней разведки на всем фронте Маньчжурской армии» (Доклад генерал-квартирмейстера Маньчжурской армии от 29 июня 1904 г.) была поручена Генерального штаба генерал-майору Косаговскому, которому был отпущен аванс в размере 50 000 рублей.

В распоряжение генерал-майора Косаговского были назначены: состоявший при разведывательном отделении капитан 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Нечволодов, Генерального штаба: полковник Нечволодов, подполковники Потапов и Панов и капитан Одинцов, кроме того, переводчик европейских языков при разведывательном отделении г-н Барбье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.